

О некоторых важнейших вопросах нашей судебной политики и судебной работы¹

По докладу т. Винокурова о работе Верховного суда Союза ССР и т. Шляпочникова (Институт судебной политики) о движении преступлений в СССР, нам предстоит обсудить очень большой материал, и, мне кажется, основная трудность этого обсуждения заключается раньше всего в том, что этот материал слишком обширен. Я считаю большим недостатком доклада Верховного суда Союза ССР то обстоятельство, что в нем не выделены узловые вопросы судебной политики за 1935 г. и связанные с работой нашей судебной системой недостатки, и не намечены основные перспективы работы нашего суда, как не намечен и ряд организационных вопросов, разрешение которых должно поднять работу нашего суда на должную высоту. Доклад оказался построенным так, что он охватывает все и вся, а это весьма затрудняет его обсуждение и разрешение больших и важных проблем суда и судебной работы.

Я думаю поэтому, что было бы гораздо полезнее с точки зрения задач нынешнего пленума, если бы были выделены некоторые важнейшие узловые проблемы, какие стоят на сегодня перед судебными органами, и если бы все наше внимание было сосредоточено именно на обсуждении этих проблем.

Этого, к сожалению, т. Винокуров не сделал. Я прошу извинить мою, может быть, слишком большую откровенность: доклад т. Винокурова произвел на меня впечатление статистически-бухгалтерского, а не политического отчета. Тут все есть — и мелкое и серьезное, большое и малое, но все это так смешано в одну кучу, все это представлено и подано в таком необработанном виде, что, признаться, трудно приступить к обсуждению основных вопросов по отчету, так как в отчете эти основные вопросы потоплены в море мелочей, а некоторые и вовсе не поставлены. В докладе т. Винокурова нет основной, руководящей нити, нет основного стержня. По-

этому и прения по этому докладу идут разбросанно, сумбурно, захватывая самые разнообразные темы, но захватывая их поверхностно, безалаберно, без ясных установок и ясных ответов на те или иные вопросы.

Примером такого рода выступлений может служить, мне кажется, довольно странное выступление т. Антонова-Саратовского, развивающего какую-то новую теорию о бандитизме, о единой статье о краже-воровстве и краже-грабеже и еще о чем-то, трудно уловимом и постигаемом. Меня не вполне удовлетворил и доклад т. Шляпочникова (Институт судебной политики), хотя нет никаких оснований огульно его охаивать. Я не хочу сказать, что этот доклад ничего не дал. Одно то, что он ознакомил нас с основным и притом очень интересным цифровым материалом, уже дает много. Но мы могли бы требовать и ожидать, что он даст больше.

В докладе т. Шляпочникова имеется ряд серьезных пробелов и ошибок и в частности методологического порядка.

Возвращаясь к докладу т. Винокурова, я хочу остановиться раньше всего на той части этого доклада, которая посвящена вопросу о должностных преступлениях. Я не могу сказать, самое ли это важное и большое место в нашей судебной политике — должностные преступления. Но несомненно, что это одно из самых узких и самых больших мест нашей судебной политики. Обратите внимание, например, на Ленинград: мы имеем здесь за 1935 г. значительное количество осужденных по должностным преступлениям, причем 40% из них были осуждены по ст. 111 УК. Это говорит о том, что с судебной политикой в этой области дело у нас обстоит сугубо неблагоприятно. Но доклад т. Винокурова, в сущности говоря, прошел мимо этого факта.

Далее, по вопросу динамики должностных преступлений, — надо было дать анализ этих преступлений, надо было сказать, почему у нас такое большое количество этих преступлений, чем это объясняется. Давлением ли внешних условий, давлением, которые на наши органы оказывают административные и местные организации, или иными причинами? Надо было все вскрыть, проанализировать, пока-

¹ Речь т. Вышинского по докладу т. Винокурова (Верхсуд СССР) и т. Шляпочникова (Институт судебной политики) на 54 пленуме Верховного суда Союза ССР 23 марта с. г.

зять, откуда растет, откуда идет такой совершенно необузданный размах привлечения к уголовной ответственности за должностные преступления. В отчете т. Винокурова ничего этого нет. Дал он этот анализ, который был вправе ожидать от него пленум? Нет, не дал. Наметил ли он методы и пути борьбы с такими положением в отношении должностных преступлений? Нет, не наметил, даже не сделал попытки наметить. Вот на 14 стр. своего отчета он пишет: «Нет сомнений, что среди осужденных по статье за халатное отношение имеется много случаев необоснованного осуждения и что здесь имеется большое поле для сокращения судимости». Это не то, что нам нужно. Это даже не постановка вопроса. Это, в сущности говоря, фраза, которая ни к чему никого не обязывает, никого ни на что не мобилизует, никаких указаний на дальнейшие пути разрешения этого большого вопроса не дает. А дальше еще хуже: «Это, — читаем мы в отчете т. Винокурова, — та статья, к которой следователи и судьи прибегают в тех случаях, когда они не могут указать конкретной вины обвиняемого». С этим принципиально нельзя согласиться. Это грубо неверно, грубо ошибочно, это такое действительное упрощение понимания такого серьезного зла нашей работы, как громадное количество привлекаемых за должностные преступления, которое свидетельствует о совершенно неправильной постановке т. Винокуровым вопроса о борьбе с указанным недостатком в судебной работе. По т. Винокурову выходит чуть ли не так, как в преферансе: если не с чего ходить, так с бубен; если нет подходящей статьи, так применяют «статью» о должностных преступлениях. Но так упрощать вопрос нельзя. Борьбу с должностными преступлениями надо дифференцировать, связать с практикой других учреждений. Надо было показать, как нужно ввести эту борьбу в естественные нормы.

То, что говорил т. Крыленко в своей критике позиции т. Винокурова по этому вопросу, в высокой степени справедливо и в высокой степени правильно. И Верховный Суд Союза ССР и наш Институт судебной политики должны были дать ответ на вопрос о том, что такое должностное преступление, на вопрос о том, где лежат пределы уголовной ответственности за должностное преступление? Ибо одним определением понятия должностного преступления вопрос еще не разрешается. Надо же установить пределы уголовной ответственности. Я бы сказал так: надо поставить вопрос об «уголовной вине в должностном преступлении». Но ни доклад Верховного Суда Союза ССР, ни доклад Института судебной политики этого вопроса не поставили.

Ст. 111 говорит о преступной халатности, при наличии признаков, указанных в ст. 109. Но разве на практике какой-нибудь следователь или прокурор, привлекая за преступную халатность по ст. 111, или судья, вынося по этой статье приговор, интересуются вопросом, имеются ли в данном случае признаки, указанные в ст. 109? В стремлении устранить связанные с применением ст. 111 УК ошибки кто-то из товарищей додумался до предложения ликвидировать ст. 111. Он думает, что это единственный способ избавиться от ошибок. Вот, мол, ст. 111, — вот зло, которое

нужно уничтожить; уничтожьте ст. 111 и сразу суд избавится от ошибок. Это верно, он избавится от ошибок, связанных с применением ст. 111, но он может наделать тьму новых ошибок, и положение с должностными преступлениями несколько в лучшую сторону не изменится.

Заканчивая этот важнейший раздел работы нашей судебной системы, раздел о должностных преступлениях, т. Винокуров в своем докладе говорит: «Этот анализ показывает также о необходимости вдумчивого отношения при применении статьи о халатности, большей конкретизации вины привлекаемых по этой статье». Я должен еще раз сказать, что это абсолютно ничего не говорит. Нужно сказать, в чем же должно заключаться вдумчивое отношение судьи или прокурора? Не нужно забывать, что по материалам пленумов Верховного Суда учатся не только судьи, но и прокуроры. Как же «научиться» вдумчивому отношению при применении статьи о халатности, большей конкретизации вины привлекаемых по этой «статье»? Это надо было показать тоже конкретно и вдумчиво. Но это показано не было.

Кстати о конкретности. Если вы возьмете дела, проходящие по ст. 111 УК, то в приговорах вы можете найти достаточно конкретности; в приговорах достаточно конкретно говорится, что такие-то лица допустили халатность, что халатность выразилась в том-то и том-то и т. д. и вина описана достаточно конкретно. Беда не в том, что в делах по ст. 111 УК нет конкретизации вины привлекаемого. Я убежден глубоко, что причина такого массового привлечения к уголовной ответственности по должностным преступлениям лежит не в отсутствии конкретизации вины, а в непонимании некоторыми нашими товарищами, что в целом ряде случаев должностные лица должны быть привлечены к ответственности не в уголовном порядке, а в дисциплинарном, что уголовным преследованием нельзя злоупотреблять, что суд — это, как указал товарищ Сталин, крайнее средство.

Нужно поставить вопрос о дифференциации должностных нарушений, о выделении тех, которым не место в уголовном суде. В ответе т. Винокурова эта задача вовсе не поставлена. А между тем в этом лежит центр данного вопроса. Поэтому у нас сплошь да рядом получаются разрывы, выражающиеся в том, что мы привлекаем к уголовной ответственности какое-либо должностное лицо, а в это время наркоматы начинают вопить о том, чтобы не привлекать к ответственности, хотя имеется налицо вина, но что вина эта незначительна и что привлекаемый к суду — хороший и ценный работник, что снимать его с работы нельзя, что это вредно отразится на деле, а нужно просто ограничиться дисциплинарным взысканием и т. д. На этом вопросе пленуму нужно особо остановиться, нужно сказать свое авторитетное слово.

Дальше, о динамике судимости по бандитизму и разбою. Едва ли можно признать, что в отчете этот вопрос разрешен удовлетворительно. Мы могли бы ожидать, что между точкой зрения Верховного Суда и точкой зрения уголовно-судебной коллегии по вопросам бандитизма и разбоя разногласий не будет, что

здесь чий, рашн что и ский, отчет крове Вчерз здесь или · годня борьб нет, ствук что, ский, Нел ским котор сеня шу с Тот том, сколь Конел держ такой жден быть ским Сара смыс ше и что нам остат выво нов-С же т вопо Свок бессы как говоу ся в стати тот. С прир явля дени шени тату приу неза Чт Сараэ этот прир думи пута ны», товс пере жен знач наш ниу декс да, все- Сов

здесь не будет таких кричащих противоречий, которые мы однако наблюдали на вчерашнем заседании палатума. Если послушать, что вчера здесь говорил т. Антонов-Саратовский, и прочитать то, что отметил в своем отчете т. Винокуров по этому вопросу, то, откровенно говоря, не знаешь, куда же идти? Вчера т. Антонов-Саратовский провозгласил здесь какой-то выдуманный им «закон войны» или «военный закон», как он поправился сегодня. Но никаких военных законов в деле борьбы с уголовными преступлениями у нас нет, ибо даже военные судебные органы действуют у нас по нашим общим законам, так что, о чем говорил здесь т. Антонов-Саратовский, — я не понимаю.

Нельзя согласиться с т. Антоновым-Саратовским и его теорией, посвященной бандитизму, которую он вчера здесь развивал, требуя внесения каких-то, очевидно, исправлений в нашу судебную политику и в ст. 59^а УК.

Тов. Антонов-Саратовский вчера говорил о том, что бандитизм сейчас и бандитизм несколько лет назад — это не одно и то же. Конечно, если говорить о материальном содержании этих преступлений, спорить против такого утверждения нельзя. Но такое утверждение должно иметь известную цель, должно быть связано с каким-либо судебно-политическим выводом. Когда я просил т. Антонова-Саратовского разъяснить, в чем заключается смысл этого его понимания бандитизма раньше и бандитизма теперь, то он мне ответил, что бандитизм раньше выражал силу чуждых нам классов, а теперь выражает бессилие остатков этих классов. Это верно, но какие выводы предлагает сделать из этого т. Антонов-Саратовский? Этого он не сказал. В чем же тогда дело? Что мы должны были противопоставлять силе чуждых нам классов? — Свою силу. Что мы должны противопоставить бессилию этих классов? — Свою силу, силу как в том, так и в другом случае. То, что говорил вчера т. Антонов-Саратовский, сводится к тому, что нужно что-то сделать со статьей 59^а УК, так как теперь бандитизм не тот.

С точки зрения квалификации классовой природы бандитизма, последний являлся и является формой классово враждебного нападения, требующего к себе беспощадного отношения со стороны органов пролетарской диктатуры. И тут выдумывать какую-то новую и притом довольно сумбурную «философию» незачем.

Что же нужно сделать? Этого т. Антонов-Саратовский не сумел разъяснить, и вместо этого пытался что-то говорить о классовой природе старого и нынешнего бандитизма. Я думаю, что мудрствовать тут нечего, нечего путать, приплетая сюда какой-то «закон войны», или «военный закон». Тов. Антонов-Саратовский доказывал здесь, что в отношении переходящих на нашу территорию банд должен действовать «военный закон». Что это значит? Если бандит переходит границу, то наши пограничники действуют не на основании Уголовного кодекса, а на основании кодекса пограничной службы; они гонят его туда, куда необходимо, вплоть до могилы, но все-таки действуют на основании законов Советского государства. Так что к чему

т. Антонов-Саратовский припутал свой «закон войны» — понять невозможно.

Обратившись к докладу т. Винокурова, мы видим в разделе о бандитизме и разбое некоторые цифры и кое-какие выводы. Но выводы даны без всякого анализа. В одну кучу свален бандитизм и разбой, а о грабеже вообще ничего не сказано. Ясности нет.

А ясность нужна. Говорят о вспышках бандитизма, но не может быть вспышки бандитизма во всем Советском союзе. Надо было показать, где эта вспышка. Мы помним указание товарища Сталина на неизбежность обострения классовой борьбы в отдельных моменты и на отдельных участках нашего социалистического строительства. Подводя итоги борьбы с преступлениями за 1935 г., мы должны были сказать, где и в чем выражается это обострение, что говорят об этом факты и цифры. Надо было на конкретном судебном материале дать анализ этого явления, помня, что смешивать в одну кучу бандитизм, разбой и грабеж нельзя, что здесь нужна дифференциация, как нужна дифференциация и в оценке деятельности отдельных судов по борьбе с этими преступлениями и деятельности самого Верховного Суда Союза ССР. Надо было проанализировать условия нашей работы в этой области, избегая отвлеченных и поспешных обобщений. Ведь, говоря о законе 7 августа, вы признаете, что уменьшение хищений общественной собственности, связанное с изменениями в экономике и культурным ростом страны, стоит в известной связи и с качеством нашей работы. Это обстоятельство несомненно и в вопросе о бандитизме играет такую же самую роль, и этот вопрос нельзя никоим образом затушевывать и с этим вопросом нельзя не считаться.

Отсюда должны быть сделаны соответственные выводы в отношении бандитизма и грабежей. Этого не было сделано. Анализа собственных ошибок не дано, самокритично в докладе т. Винокурова очень недостаточно, а она очень и очень нужна. В Верховном суде в этом вопросе не сводят концы с концами.

Председатель спецколлегии т. Пилявский направил в Мосгорсуд и в президиум Верховного Суда РСФСР по вопросу о грабежах письмо, в котором он дал свою собственную «установку», прямо противоположную той, которой мы обязаны руководствоваться.

Случай с посылкой такого письма характеризует отсутствие единства политики, единства руководства в Верховном суде. Тов. Винокуров о «директиве» т. Пилявского не знал, он узнал о письме т. Пилявского от Прокуратуры Союза, когда я потребовал отмены этого указания как извращающего нашу линию. Оно и было отменено по моему протесту. Это говорит о крупных недостатках работы Верховного Суда СССР.

Я считаю, что в отчете надо было поставить вопрос о единстве руководства в области судебной политики в отношении всей судебной системы и раньше всего в самом Верховном суде Союза ССР. Я прослушал с большим вниманием выступление т. Крыленко и в частности его слова о единстве судебной политики, единстве руководства в Верховном суде. Его слова о Верховном суде как полномочном органе судебного руководства надо приветствовать. Высту-